

РУСАЛОЧКА

В открытом море вода синяя, как лепестки красивейших васильков, и прозрачная, как тончайшее стекло. Но зато и глубоко же там! Так глубоко, что никакие якори не достанут до дна, и на него пришлось бы поставить немало колоколен одну на другую, чтобы верхняя высунулась из воды. На дне морском живут русалки.

Не подумайте, что там только голый белый песок, — нет, на дне растут удивительные деревья и цветы, с такими гибкими стеблями и листьями, что они шевелятся, как живые, при малейшем движении воды. В этой чаще шныряют маленькие и большие рыбы, точь-в-точь как у нас птицы в лесу. На самом глубоком месте стоит коралловый дворец морского царя с высокими стрельчатыми окнами из чистейшего янтаря и с кровлей из раковин, которые то открываются, то закрываются, в зависимости от прилива и отлива. Это дивное зрелище, ибо в каждой раковине лежат блестящие жемчужины такой красоты, что любая из них украсила бы корону любой королевы.

Морской царь давным-давно овдовел, и царским хозяйством заправляла его старуха-мать, женщина умная, но очень гордившаяся своей знатностью, — на хвосте у неё сидела целая дюжина устриц, тогда как вельможам полагалось только по шести. Вообще же она была женщина достойная, особенно потому, что очень любила маленьких морских принцесс, своих внучек. Их было шестеро, и все прехорошенькие, а младшая — лучше всех: кожа у неё была нежная и прозрачная, как лепесток розы, а глаза синие, как глубокое море. Но у неё, как и у других русалок, не было ножек, их заменял рыбий хвост.

День-деньской играли принцессы в огромных дворцовых залах, где на стенах росли живые цветы. В открытые янтарные окна врывались рыбки, как в наши окна иной раз влетают ласточки. Рыбки подплывали к маленьким принцессам, ели из рук и позволяли себя гладить.

Перед дворцом был разбит большой сад, в котором росло много огненно-красных и синих деревьев; их ветви и листья всегда колыхались, плоды сверкали, как золото, а цветы пылали, как костёр. Самая земля там была усыпана мелким песком цвета серного пламени, и потому дно морское отливало каким-то удивительным голубоватым блеском, — можно было подумать, что витаешь высоко-высоко в воздухе, причём небо у тебя не только над головой, но и под ногами. В безветрие со дна можно было видеть солнце; оно казалось пурпуровым цветком, венчик которого излучал свет.

В саду у каждой принцессы было своё местечко; тут они копали землю и сажали цветы, какие хотели. Одна сделала себе цветочную клумбу в виде кита; другой захотелось, чтобы её клумба походила на русалочку; а младшая сделала клумбу круглую, как солнце, и засадила её ярко-красными цветами. Странная девочка была эта русалочка — такая тихая, задумчивая... Другие сёстры украшали свои садики разными разностями, добытыми на затонувших кораблях, а в её саду были только алые цветы, похожие на далёкое солнце, да прекрасная статуя мальчика из чистого белого мрамора, упавшая на дно моря с какого-то погибшего судна. Русалочка посадила у статуи розовую плакучую иву, и она пышно разрослась: длинные тонкие ветви её, окутав статую, почти касались голубого песка, на котором колебалась их фиолетовая тень. Так вершина и корни, казалось, играли, пытаясь поцеловать друг друга.

Больше всего любила русалочка слушать про людей, что живут наверху, на земле, и бабушка должна была рассказывать ей всё,

что только знала о кораблях и городах, о людях и животных. Особенно занимало и удивляло русалочку то, что цветы на земле пахнут, — не то что здесь, в море! — что леса там зелёные, а рыбки, которые живут на земных деревьях, поют очень звонко и красиво. Бабушка называла «рыбками» птичек, иначе внучки не поняли бы её: они никогда в жизни не видели птиц.

— Как только одной из вас минет пятнадцать лет, — говорила бабушка, — ей разрешат подниматься на поверхность моря, сидеть при свете месяца на скалах и смотреть на плывущие мимо корабли; она увидит земные леса и города.

В этот год старшей принцессе как раз исполнилось пятнадцать лет, а другим сёстрам — все они были погодки — приходилось ещё ждать того дня, когда им разрешат всплыть наверх; и дольше всех должна была ждать младшая. Но каждая обещала рассказать сёстрам о том, что ей больше всего понравится в первый день, — им было мало рассказов бабушки и хотелось знать обо всём на свете как можно подробнее.

Никого так не тянуло на поверхность моря, как младшую сестру, тихую, задумчивую русалочку, которой пришлось ждать дольше всех. Сколько ночей она провела у открытого окна, глядя вверх, сквозь синеву морской воды, в которой стаи рыбок шевелили своими плавниками и хвостами! Она даже могла разглядеть месяц и звёзды: они, конечно, светили совсем тускло, но зато казались

гораздо крупнее, чем кажутся нам. Случалось, что их затмевало что-то вроде большой тучи, но русалочка знала, что это плывёт над нею кит или проходит корабль с толпами людей. Эти люди и не подозревали, что там, в глубине моря, стоит прелестная русалочка и протягивает к килю корабля свои белые ручки.

Но вот старшей принцессе исполнилось пятнадцать лет, и ей позволили всплыть на поверхность моря.

Сколько было рассказов, когда она вернулась назад! Но больше всего ей понравилось лежать при свете месяца на песчаной отмели и нежиться, любуясь раскинувшимся на берегу городом: там, словно сотни звёзд, горели огни, играла музыка, тарахтели повозки, шумели люди, высились колокольни и звонили колокола. Ей нельзя было попасть туда, потому-то её так и манило это зрелище.

Как жадно слушала её младшая сестра! Стоя вечером у открытого окна и глядя вверх сквозь тёмно-синюю воду, она только и думала, что о большом шумном городе, и ей даже слышался колокольный звон.

Прошёл год, и второй сестре тоже позволили подняться на поверхность моря и плыть куда угодно. Она вынырнула из воды как раз в ту минуту, когда солнце садилось, и нашла, что лучше этого зрелища ничего и быть не может. Небо сияло, как расплавленное золото, рассказывала она, а облака... тут у неё даже слов не хватало! Пурпуровые и фиолетовые, они быстро летели по небу, но ещё быстрее мчалась к солнцу стая лебедей, похожая на длинную белую вуаль. Русалочка тоже было поплыла к солнцу, но оно погрузилось в море, а на воде и на облаках погас розовый отблеск.

Прошел ещё год — и вынырнула третья сестра. Эта была смелее всех и поплыла в широкую реку, которая впадала в море. Тут она увидела зелёные холмы, покрытые виноградниками, дворцы и дома, окружённые красивыми рощами, в которых пели птицы. Солнце светило ярко и так припекало, что ей не раз пришлось нырнуть в воду, чтобы освежить пылающее лицо. В маленькой бухте плескалась целая толпа голеньких человеческих детей. Русалка хотела было поиграть с ними, но они испугались и убежали, а вместо них появился какой-то чёрный зверёк и принялся на неё тявкать, да так грозно, что она в страхе уплыла. Зверёк этот был просто-напросто собачкой, но русалка ведь ещё не видела собак. Вернувшись домой, она не переставала вспоминать чудесные леса, зелёные холмы и прелестных детей, которые умели плавать, хоть у них и не было рыбьих хвостов.

Четвёртая сестра оказалась не такой смелой — она держалась больше в открытом море и потом говорила, что это лучше всего: куда ни оглянись, на много-много миль вокруг только вода да небо, опрокинутое над водой, точно огромный стеклянный купол. Большие корабли она видела только издали, и ей они казались похожими на чайки; вокруг неё играли и кувыркались забавные дельфины, а громадные киты пускали фонтаны из ноздрей.

Потом настал черёд пятой сестры; её день рождения был зимой, и она увидела то, чего не видели другие. Море теперь было зеленоватого цвета, повсюду плавали ледяные горы, похожие на огромные жемчужины, но только они были гораздо выше самых высоких колоколен, построенных людьми. Некоторые из них были очень

причудливой формы и блестели, как алмазы. Она уселась на самую большую ледяную гору, и ветер развевал её длинные волосы, а моряки испуганно обходили эту гору стороной. К вечеру небо заволочло тучами, засверкала молния, загредел гром, и тёмное море принялось кидаться ледяными глыбами, которые ярко сверкали при красном свете молний. На кораблях убирали паруса, люди метались в страхе и трепете, а русалка спокойно плыла вдаль, сидя на ледяной горе и любуясь на огненные зигзаги молний, которые, прорезав небо, падали в мерцающее море.

Да и все сёстры восхищались тем, что увидели впервые, — всё это было ново и потому нравилось им. Но когда они стали взрослыми девушками и им разрешили плавать повсюду, они скоро присмотрелись ко всему, что видели, и спустя месяц стали уже говорить, что везде хорошо, но дома лучше.

По вечерам все пять сестёр поднимались рука об руку на поверхность воды. Они были одарены великолепными голосами, каких не бывает у людей, — и вот когда начиналась буря и опасность нависала над кораблями, русалки подплывали к ним и пели песни о чудесах подводного царства, уговаривая моряков не бояться попасть

к ним на дно. Но моряки не могли разобрать слов — им казалось, что это просто шумит буря. Впрочем, если бы они и попали на дно морское, им всё равно не удалось бы увидеть там никаких чудес, — ведь, когда корабль шёл на дно, люди тонули и приплывали ко дворцу морского царя уже мёртвыми.

В то время как русалки рука об руку всплывали на поверхность моря, младшая

их сестра сидела одна-одинёшенька, глядя им вслед, и ей очень хотелось заплакать. Но русалки не могут плакать, и им от этого ещё тяжелее переносить страдания.

— Ах, если бы мне уже было пятнадцать лет! — говорила она. — Я знаю, что очень люблю тот верхний мир и людей, которые в нём живут!

Наконец и ей исполнилось пятнадцать лет!

— Ну вот, вырастили и тебя! — сказала ей бабушка, вдовствующая королева. — Поди сюда, надо и тебя принарядить, как других сестёр.

И она надела русалочке на голову венец из белых жемчужных лилий, каждый их лепесток был сделан из половинки жемчужины; потом приказала восьмерым устрицам прицепиться к её хвосту — это было знаком отличия её сана.

— Мне больно! — проговорила русалочка.

— Ради красоты стоит потерпеть! — изрекла старуха.

Ах, с каким удовольствием скинула бы с себя русалочка все эти уборы и тяжёлый венец — алые цветы из её садика шли ей гораздо больше. Но делать нечего!

— Прощайте! — сказала она и легко и плавно, как прозрачный пузырёк воздуха, поднялась на поверхность.

Солнце только что село, но облака ещё пылали, пурпурные и золотые, и в розовом небе зажглась вечерняя звезда. Воздух был мягок и свеж, а море словно замерло. Неподалёку от того места, где вынырнула русалочка, стоял трёхмачтовый корабль всего лишь с одним поднятым парусом — на море не было ни малейшего ветерка. На вантах и реях сидели матросы, с палубы доносились звуки музыки и песен; когда же совсем стемнело, корабль осветили сотни разноцветных фонариков — казалось, что в воздухе замелькали флаги всех наций. Русалочка подплыла к зеркальным иллюминаторам кают-компания и заглядывала туда всякий раз,

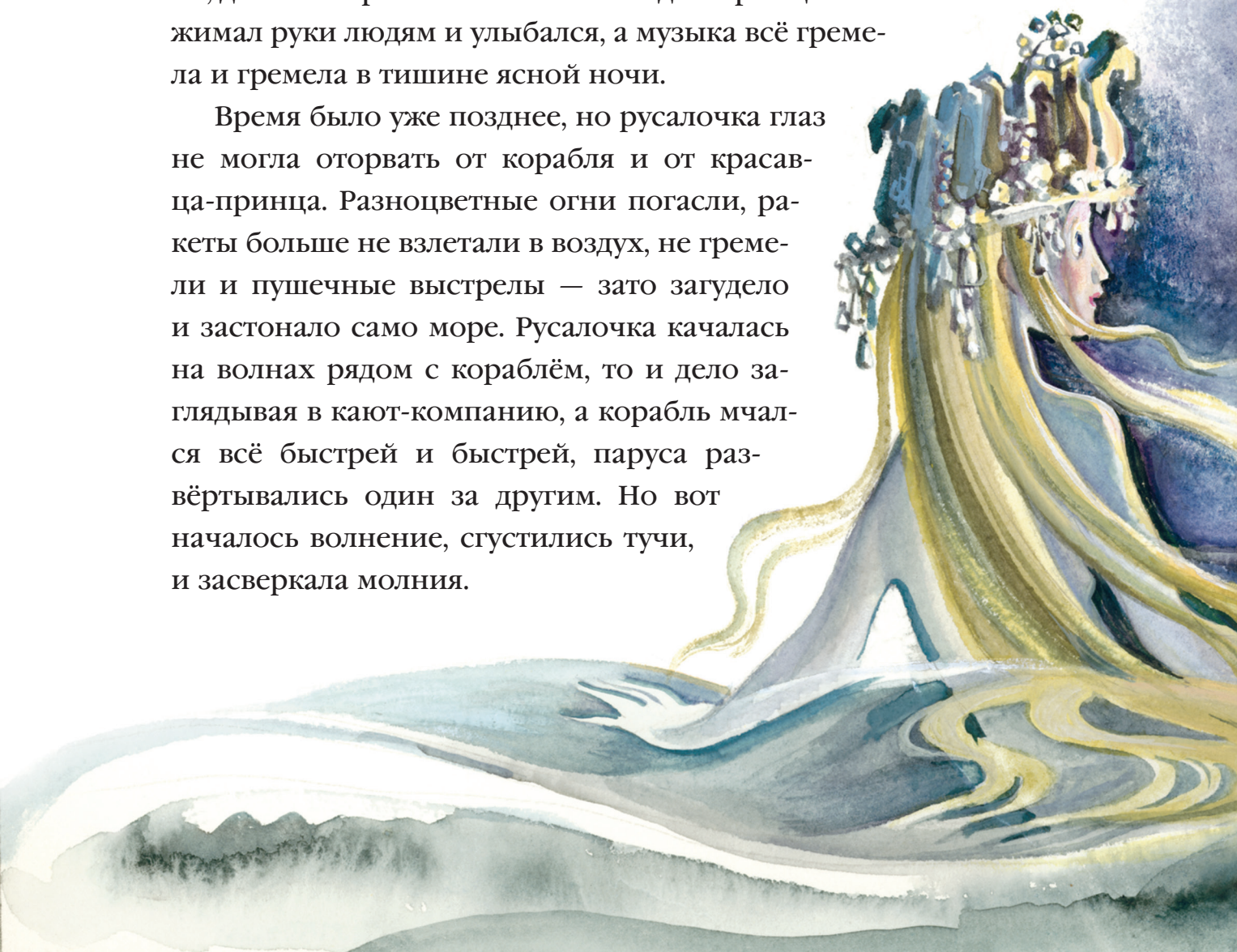

как её приподнимала волна. В кают-компании собралось много нарядных людей, но красивее всех был черноглазый принц, юноша лет шестнадцати, не больше. В тот день праздновали его рождение, оттого-то на корабле и шло такое веселье. На палубе плясали матросы, а когда к ним вышел молодой принц, взвились сотни ракет, и стало светло, как днём, — русалочка даже испугалась и нырнула в воду, но скоро опять высунула головку, и ей почудилось, будто это звёздочки упали с неба к ней в море. Никогда ещё не видела она подобной игры огней: большие солнца вертелись колесом, великолепные огненные рыбы крутили хвостами в воздухе — и всё это отражалось в недвижной светлой воде. На корабле же было так светло, что можно было различить канат в его снастях, а людей и подавно. Ах, до чего хорош собою был молодой принц! Он пожимал руки людям и улыбался, а музыка всё гремела и гремела в тишине ясной ночи.

Время было уже позднее, но русалочка глаз не могла оторвать от корабля и от красавца-принца. Разноцветные огни погасли, ракеты больше не взлетали в воздух, не гремели и пушечные выстрелы — зато загудело и застонало само море. Русалочка качалась на волнах рядом с кораблём, то и дело заглядывая в кают-компанию, а корабль мчался всё быстрее и быстрее, паруса развёртывались один за другим. Но вот началось волнение, сгустились тучи, и засверкала молния.

Разыгралась буря, и матросы бросились убирать паруса. Сильная качка трепала огромный корабль, а ветер мчал его по бушующим волнам. Вокруг выросли высокие чёрные водяные горы, грозившие сомкнуться над мачтами, но корабль, как лебедь, падал в бездну между водяными стенами, потом снова взлетал на валы, громоздящиеся друг на друга. Русалочке такое плавание очень нравилось, а морякам приходилось туго. Корабль скрипел и трещал, толстые доски гнулись под сильными ударами, волны перекатывались через палубу. Вот грот-мачта переломилась, как тростинка, корабль лёг на бок, и вода хлынула в трюм. Тут русалочка поняла, какая опасность грозит кораблю; ей и самой приходилось остерегаться брёвен и обломков, носившихся по волнам. Как темно вдруг стало, хоть глаз выколи! Но вот опять блеснула молния, и русалочка вновь увидела всех людей на корабле; каждый спасался, как мог. Она постаралась отыскать глазами принца и увидела, когда корабль развалился, что юноша тонет. Сначала русалочка очень обрадовалась, поняв, что теперь он попадёт к ним на дно, но потом вспомнила, что люди в воде жить не могут и если он и попадёт во дворец её отца, то лишь мёртвым. Нет, нет, он не должен умереть! И она поплыла между брёвнами и досками, позабыв о том, что они в любую минуту могут её раздавить. Пришлось ей то нырять вглубь, то высоко взлетать вместе с волнами, но вот наконец она догнала принца, который уже почти выбился из сил и не мог больше плыть по бурному морю. Руки и ноги отказались ему служить, глаза закрылись, и он бы погиб, не явись на помощь русалочка. Она приподняла над водой его голову и понеслась вместе с ним по воле волн.

К утру непогода стихла. От корабля не осталось и щепки, а солнце, красное и пылающее, опять засияло над водой, и его яркие лучи как будто вернули щекам принца их живой румянец, но глаза юноши всё ещё не открывались.